

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

Е. Ю. Харькова

Воссоздание сакрального буддийского ландшафта в Бурятии

Статья посвящена воссозданию буддийского сакрального ландшафта в Бурятии, где с начала XVIII в. получила распространение тибетская социокультурная форма буддизма. Буддийский сакральный ландшафт рассматривается как система священных рукотворных и природных объектов, которые служат материальной опорой для религиозной практики, сохранения культурно-исторической памяти бурятского этноса и воспроизведения религиозной идентичности приверженцев буддизма.

Ключевые слова: буддизм, тибетская социокультурная форма буддизма, буддизм в Бурятии, буддийский сакральный ландшафт.

Возрождение буддизма, начавшееся в Бурятии в 1990-х гг., было тесно связано с задачей воссоздания того культурного ландшафта, который характерен для территории, где издавна укоренена буддийская традиция. Иными словами, необходимо было восстановить полноту сакральных объектов, разрушенных либо заброшенных, и тем самым культурное пространство Бурятии в его религиозном — буддийском — измерении. В аспекте функционирования религии такая задача обладает первостепенной значимостью, так как каждый сакральный объект имеет определенную смысловую и религиозно-практическую нагрузку.

Этнограф и философ В.Л. Огудин обозначил шесть функций, характеризующих сакральные объекты: консолидирующая — объект маркирует собой центр территории расселения членов родовой группы или религиозной общины; медиаторная — объект выступает посредником между человеком и трансцендентной (божественной) инстанцией; коммуникативная — объект играет важную роль в организации коммуникации между последователями религиозной традиции; защитительная; лечебная; природоохранная (Огудин, 2005, с. 6–7). Отметим, что в центральноазиатском буддизме, в частности, в его тибетской социокультурной форме, исторически укоренившейся в среде бурятского этноса, сложилась целостная система объектов, образующих специфичный для этой религиозной традиции сакральный ландшафт (Germano, 1998, с. 88–89).

Говоря о буддийском сакральном ландшафте тибетской традиции, мы имеем в виду два типа объектов — рукотворные и природные, служащие опорами религиозной практики и своеобразными мемориалами, скрепляющими коллективную этно-религиозную память. К первому типу относятся монастыри, ступы, пещеры йогинов-созерцателей, ко второму — родники, роции и другие сакрализованные природные объекты.

Особая функция буддийского сакрального ландшафта — историко-информативная, т. е. осведомляющая о событиях истории Учения, что дает основание интерпретировать этот ландшафт как одну из разновидностей текста культуры. В свою очередь, буддийские историографические и агиографические источники содержат значительный массив топонимики, позволяющей раскрыть ценностно-смысловой и содержательный аспекты сакрального ландшафта в качестве текста культуры. В историографических произведениях, в частности, топонимы выступают элементами определенной знаковой системы: каждый из них маркирует не только место, но и важную веху истории вероучения либо событие духовной жизни или деяние кого-либо из выдающихся буддийских учителей.

С точки зрения традиции тибетского буддизма весьма важно обоснование размещения рукотворных сакральных объектов в природной среде. Геомантия¹ (тиб. *sa dpyad*), раздел астрологии — одной из пяти так называемых малых буддийских наук, учит методу определения оптимального места для возведения монастырей, храмов и ступ. При его выборе учитывается расположение объекта относительно населенных пунктов, гор, скал, рек, родников, а также характер местности. С помощью астрологических вычислений определяется и та территория, откуда должны быть взяты строительные материалы. Обязательно проводятся ритуалы подношения духам — хозяевам местности (тиб. *sa bdag*) и очищения пространства (Позднеев, 1887, с. 21–24).

В тибетской буддийской традиции принято создавать особые объекты сакрального ландшафта, связанные с системой тех религиозной психотехник и ритуалов, которые направлены на нейтрализацию агрессии по отношению к живым существам и неодушевленной природе. Везде, где утвердилось эта социокультурная форма буддизма, можно встретить каменные стелы, на которых высечена мантра Авалокитешвары (тиб. *rdo ma ni*) как напоминание о необходимости сострадания к «существам шести сфер существования».

Укажем сходные черты между периодами восстановления буддизма в Тибете после его жестокого подавления в годы правления царя Ландармы (817–842 гг.) и китайской «культурной революции» (1966–1976 гг.) с одной стороны, и в современной Бурятии после его подавления во времена антирелигиозной кампании 1930-х гг. и долгих лет советского застоя — с другой:

- воссоздание материального аспекта буддийской культуры (монастырей, ступ, религиозной скульптуры и живописи, библиотек);
- возрождение буддийских социорелигиозных институтов (монашества, мирян, религиозного образования, религиозной заслуги)²;
- восстановление традиции в религиозном сознании этноса (возрождение линий учительской преемственности и проповеди вероучения, поиска и офици-

¹ Сведения, относящиеся к этой области знания, содержатся в трактате «Белый берилл» (*Baidurya dkar po*) Дэси Сангье Гьяцо (1653–1705).

² О буддийских социорелигиозных институтах подробнее см.: Островская-мл., 2008, с. 187–212.

ального признания «перерожденцев» — *тулку* (тиб. *sprul sku*)³ и воссоздания сакрального буддийского ландшафта).

Зададимся вопросом — какую роль выполняет воссоздание сакрального ландшафта в процессе возрождения буддийской традиции в Бурятии?

В буддийском сакральном ландшафте, знаковыми и смысловыми доминантами которого, несомненно, являются монастыри, запечатлевается историко-культурная память как основа религиозной идентичности («мы — буддисты, наследники великой традиции»). В советский период под давлением антирелигиозной пропаганды сакральный ландшафт в Бурятии оказался в значительной степени разрушен. Для этого вовсе не требовалось физически уничтожать священные для буддистов объекты. Достаточно было вытеснить из памяти народа их буддийскую семантику и духовные смыслы, придав им иное значение.

Возрождение сакрального ландшафта в его системной знаково-смысловой полноте — фактор, способствующий возобновлению этнокультурного и вероисповедного единства бурятского этноса, что особенно важно в эпоху глобализации культуры. Именно поэтому в многоаспектной деятельности, направленной на восстановление традиционной буддийской культуры, воссоздание сакрального ландшафта занимает особое место.

В настоящее время Буддийская Традиционная Сангха России (БТСР) проводит большую работу в данном направлении, стремясь актуализировать память об историческом и религиозном значении прежних сакральных объектов и создавать новые. Благодаря этому постепенно наполняется живыми смыслами и подлинным содержанием вся система буддийских объектов на территории Бурятии и Забайкальского края.

В отличие от Тибета и Монголии в Бурятии не была так сильно развита традиция лам-перевроплощенцев (*тулку*) и связанный с ней культ текстовкладов — *тэрма* (тиб. *gter ma*), хотя исторические примеры поиска и признания *тулку* среди бурятского духовенства известны. В последнее десятилетие усилия БТСР сосредоточены на возрождении памяти о выдающихся буддийских деятелях бурятского народа и упрочении статуса Хамбо-лам⁴.

В этой связи необходимо упомянуть два священных источника, которые относятся к числу новых объектов почитания, недавно обнаруженных ламами в Иволгинской долине. Один из них — сереброносный источник в Оронгое, на месте рождения Хамбо-ламы XII (1911–1917) Даши Доржи Итигэлова⁵.

³ Начало традиции поиска и официального признания лам-перерожденцев в Тибете положил сиддха Ургьенпа Ринченпэл, который в 1289 г. признал пятилетнего мальчика Ранчжун Дорже, будущего Кармапу, новым человеческим рождением Карма Пакши.

⁴ Впервые институт Хамбо-лам был утвержден в 1764 г. Екатериной II. Первым Хамбо-ламой был Дамба-Доржи Заяев (1702–1777).

⁵ Даши Доржи Итигэлов родился в 1852 г. в селе Оронгой в семье Мунко-Тагара Итигэлова из рода Готол-буумал. В возрасте пятнадцати лет поступил в Анинский дацан Хоринской степной

Другой — на месте уединенного созерцания Хамбо-ламы XVII (1946–1960) Лувсан Нимы Дармаева⁶, который после периода гонений вместе с ламами-единомышленниками добивался разрешения на строительство близ с. Верхняя Иволга дацана, известного ныне как Иволгинский. Вполне закономерно, что эти новые места поклонения связаны с линией преемственности бурятских Хамбо-лам.

К новым объектам сакрального ландшафта в Бурятии можно отнести Дворец Хамбо-ламы Итигэлова, недавно отстроенный в Иволгинском дацане; монастырский комплекс Хамбын-сумэ (Верхняя Березовка, Улан-Удэ); возрожденный Ацагатский дацан; ступу, возведенную в честь цаннид-хамбо Агвана Лувсана Доржиева (1853–1938) в с. Хара-Шибирь, на родине этого выдающегося религиозного, общественного и политического деятеля.

Постепенно воссоздается целостный комплекс объектов сакрального ландшафта в бассейне озера Байкал и Саянского нагорья. Важнейшими из этих объектов являются Хойморский⁷, Кыренский и Окинский дацаны, озера Байкал в РФ и Хубсугул в Монголии, святыня бурят, сойотов и монголов — гора Мунко Сардык, или Бурэн-хан, самая высокая точка Восточной Сибири (высота 3490 м), гора Шумак, где имеются 120 минеральных источников.

Духовенство дацанов Саянского нагорья традиционно проводило особые ритуалы почитания хранителей местности у подножия гор Мунко-Сардык, Шумак, у места поклонения Бурхан Баавай, у «Престола Чингисхана», на целебных источниках — *аршанах*. Эмчи-ламы изучили и успешно применяли лечебную силу местных минеральных источников.

думы, где обучался в течение 20 лет. Получил ученую степень габжи (тиб. *dka' bzhi*) — «изучивший четыре предмета: парамиту, мадхьямику, абхидхарму и винаю». Продолжил обучение в Агинском и Цугольском дацанах. В возрасте 43 лет поступил в Янгажинский дацан, где преподавал буддийскую философию. В 1904 г. был избран настоятелем этого дацана, а в 1911 г. — Пандито Хамбо-ламой. Был на этом посту в течение семи лет, в сложнейший исторический период. Считается, что Хамбо-лама XII Итигэлов является новым воплощением Дамба-Доржи Заяева.

Подробнее об Итигэлове см.: Чимитдоржин, 2010, с. 99–112; Васильева, 2008, с. 21–26.

⁶ Пандито Хамбо-лама XVII Лувсан Нима Дармаев родился в 1890 г. в местности Гэдэн-Нюга Торейского аймака (ныне — Джидинский район Республики Бурятия) в семье скотовода Дармажапа Цыренова из рода Хорчид. В возрасте семи лет стал послушником Сартул-Булагского дацана, успешно осваивал философию и получил ученую степень габжи (см. примеч. 5). В конце 1920-х гг. был избран настоятелем Сартул-Булагского дацана. На III Духовном Соборе буддистов (1928) был избран членом Центрального духовного совета (ЦДС). В 1930-х гг. дважды подвергся репрессиям. В 1944 г. он был освобожден и реабилитирован. В 1945 г. вместе с другими бурятскими ламами ходатайствовал о возобновлении буддийских служб и открытии дацана. Избран Пандито Хамбо-ламой в 1946 г.

Подробнее о нем см.: Чимитдоржин, 2010, с. 133–135.

⁷ Хойморский (Хандагайтайский) дацан основан при поддержке цаннид-хамбо Агвана Доржиева в 1917 г. В период наиболее активной деятельности этого дацана там служили 200 лам.

Значительный вклад в сохранение уникальных целебных источников в местности Шумак (Окинский район Бурятии) внес лама Д.Х. Самаев⁸. В 1997 г. под его руководством там был построен восьмистенный храм дуган. 11 мая 2001 г. лама Самаев организовал ритуальное восхождение буддийского духовенства на гору Мунко-Сардык (Лама Даши Шаглахаев, 2008, с. 47–50).

В настоящее время буддийское духовенство поставило цель ходатайствовать о присвоении статуса охранной зоны бассейну озера Байкал и Саянскому нагорью, чтобы уберечь этот природно-культурный комплекс от варварских промышленных разработок полезных ископаемых.

Новым объектом почитания, возведенным на данной территории, является гранитная ступа «Номын хурден субурга», посвященная памяти ламы Самаева. Расположенная у реки Сагаан Ирхуу (Белый Иркут) и подножия горы Мунко Сардык, она была освящена бурятским и монгольским духовенством 15 июня 2008 г. (Там же, с. 34.) К новым объектам сакрального ландшафта относится также ступа Просветления на острове Ольхон, который прежде преимущественно служил центром шаманизма.

Другой всемирно известный объект буддийского сакрального ландшафта — горный массив вулканического происхождения Алханай. Он находится в Забайкалье, в междуречье рек Иля и Дульдурга. Максимальная высота Алханая — 1664 м. Это место почиталось с глубокой древности, еще с добуддийских времен. Его древние названия — Шулун-Ундург, Алаг-Хан, или Алхана. Буддийская традиция почитания Алханая восходит к 1859 г. и связана с именем бурятского ламы Шагдара Намнанэй, учителя А.Л. Доржиева (Чимитдоржин, 2009, с. 24–30). Благодаря усилиям Намнанэй ламы и других бурятских лам шаманы добровольно покинули Алханай, и уникальный горный массив вошел в систему объектов буддийского сакрального ландшафта.

Буддисты Монголии, Тибета и Китая считали Алханай одной из 24 обителей божества Шри Чакрасамвара. С 1874 по 1928 гг. на Алханая ежегодно проводился Дэмчог-хурал. В настоящее время ламы Агинского дацана возродили традицию почитания 17 горных вершин Алханая, которые в буддийском сакральном

⁸ Самаев Данзан Хайбзун (Федор Сергеевич) (1954–2005), лама-гелон, общественный деятель. Родился в с. Орлик Окинского района Бурятии. Окончил Высшую буддийскую религиозную школу в Улан-Баторе (Монголия), стажировался в Гоман-дацане монастыря Дрэпун (Южная Индия), в Институте диалектики (Дхарамсала, Северная Индия). С 1991 по 1997 г. был настоятелем дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге, вел наставническую и культурно-просветительскую деятельность. Лама Самаев выступил одним из инициаторов создания Национального парка на территории Тункинского района Бурятии. В 1994 г. был избран депутатом Народного хурала РБ от Окинского района. Деятельность Самаева заслужила общественное признание: в 1998 г. он был награжден Орденом достоинства Георгия I степени негосударственной Российской палаты личности, присуждаемым за выдающиеся заслуги в деле развития духовности в России. В 2001 г. инициировал строительство Духовной академии близ с. Жемчуг Тункинского района. Трагически погиб 10 июля 2005 г. в автокатастрофе.

ландшафте ассоциируются с божествами мандалы Чакрасамвара. Духовенство совершает здесь молебны и ритуалы, а буддисты-миряне — обход посолонь всего комплекса (бур. *гороо*). Наиболее почитаемыми объектами Алханая являются Дэмчог сумэ (храм божества Шри Чакрасамвара), Сэндэмын сумэ (храм львиноголовой дакини Симкхамукхи), Наро Хажод сумэ (храм Ваджрайогини), Доржи Пагмо сумэ (храм дакини Ваджраварахи), Мунхын аршан (Источник вечности), Даянэ гэр (дом для медитаций), Уудэн сумэ (храм «Врата счастья»), Загурдин хабсагай (скала Бардо), Эхын умай (пещера матери Земли).

Уудэн сумэ (храм «Врата счастья») символизирует вход в священную обитель йидама Шри Чакрасамвары. В 1864 г. местные жители по наставлению Намнанэ-ламы построили ступу, однако в 1930 г. она была разрушена (там же, с. 28). В 1956 г. субурган удалось восстановить. В 1991 г. во время посещения Алханая Далай-лама XIV совершил молебен у скалы Уудэн сумэ.

В пределах Алханайского массива обнаружены 14 родников с минеральными водами гидрокарбонатно-кальциевого состава. Ныне эти целебные источники широко известны и используются для лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата, пищеварительной системы и глазных болезней.

У подножия Алханая отстроен современный гостиничный комплекс для буддистов-паломников и активно посещающих эти места туристов. Усилиями местного буддийского духовенства и муниципальной администрации на территории поддерживается порядок, соответствующий статусу Алханая как особо почитаемого места.

Немалый вклад в возрождение сакрального ландшафта Бурятии вносят ученики и последователи Б.Д. Дандарона (1914—1974), буддийского просветителя второй половины XX в., ученого-тибетолога. Б.Д. Дандарон воплотил в жизнь идеи выдающегося религиозного деятеля Бурятии ламы Цеденова, создав в России в конце 1960х гг. полиэтническую буддийскую общину, открытую для европейцев⁹. В последнее десятилетие в Кижингинском районе духовные наследники Б.Д. Дандарона возвели ступы, посвященные ныне покойным буддистам-практикам — членам этой общины, подвергшимся преследованиям в начале 1970-х гг.

Строительство ступы Дандарона началось в 1997 г. по проекту Ю.К. Лаврова на вершине горы Тэбхэр Майла, в 15 км от с. Кижинга (долина р. Кудун). Строительство велось с 1997 по 2005 гг. жителями Кижинги, Улан-Удэ и буддистами,

⁹ Сведения об общине Б.Д. Дандарона, о его жизни и деятельности изложены В.М. Монтлевичем в сопроводительных материалах к публикации выполненного Б.Д. Дандароном перевода историографического произведения буддийского ученого Сумпы Кенпо «История Кукунора». См.: Сумпа Кенпо. История Кукунора / Перевод с тиб. и комментарий Б.Д. Дандарона; Материалы к биографии Б.Д. Дандарона / Автор-составитель В.М. Монтлевич. СПб., 2006. Целый ряд сочинений, научных трудов и эпистолярное наследие Б.Д. Дандарона вышли в свет в 1990—2000-х гг. исключительно благодаря публикаторской деятельности В.М. Монтлевича как его преданного ученика.

приехавшими с этой целью из Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова, Кременчуга и Челябинска. Ступа была освящена 18 июля 2005 г.

В том же районе были возведены ступы, посвященные ученикам Дандарона — В.П. Репке (1998 г.) и А.И. Железнову (2011 г.), а в Селенгинском районе — В.Н. Пупышеву (2000 г.).

В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности полностью раскрыть процесс воссоздания сакрального ландшафта в Бурятии, где к настоящему времени восстановлено уже 90% прежней численности монастырей. Деятельность, направленная на воссоздание сакрального ландшафта, является не только важной составляющей возрождения буддизма как одной из исторических религий народов России, но и значимым компонентом социокультурного и экономического развития Республики Бурятия. В результате целенаправленного сотрудничества духовенства и буддистов-мирян воскресает память о духовных, культурно-исторических и художественных достижениях бурятского народа как носителя буддийской традиции. Бурятия гостеприимно распахнула двери перед российскими и зарубежными туристами, проникнутыми интересом к религиозным смыслам и гуманистическим ценностям буддизма, символически запечатленным в сакральном ландшафте.

Литература

Огудин В.Л. Сакральные объекты // Энциклопедия сакральной географии / сост. Д.В. Громов. — Екатеринбург: 2005.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. — СПб.: 1887.

Чимитдоржин Д.Г. Пандито Хамбо ламы. 1764–2010. — Улан-Удэ: 2010.

Васильева Я.Д. Краткие биографические сведения о Пандито Хамбо-ламе XII Даша Доржи Итигэлове // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Вторые Доржиевские чтения. Сборник материалов конференции. — СПб.: 2008.

Лама Даши Шаглахаев. Исторические буддийские дацаны Саянского нагорья // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Вторые Доржиевские чтения. Сборник материалов конференции. — СПб.: 2008.

Лама Даши Шаглахаев. Лама-гелонг Данзан Хайбзун Самаев — продолжатель идей Агвана Доржиева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения. Сборник материалов конференции. — СПб.: 2009.

Чимитдоржин Д.Г. Об учителе Агвана Доржиева Намнанэ багши и его религиозной деятельности на Алханае // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения. Сборник материалов конференции. — СПб.: 2009.

Germano D. Re-membering the Dismembered Body of Tibet // Buddhism in Contemporary Tibet: Religious and Cultural Identity. — Berkeley: 1998. P. 88–89.

Summary**E. Yu. Kharkova****The Recreation of the Buddhist Sacred Landscape in Buryatia**

The present paper focuses on recreating the sacred Buddhist landscape in Buryatia, where Tibetan Buddhism has been spread since the early 18th century. The sacred Buddhist landscape is regarded here as a system of natural and artificial objects that serve as physical supports for spiritual practice and, due to their special function of keeping alive historical and confessional memories of the people, are conducive to preservation of its ethnical identity.

It is noted that the semiotic function of the Buddhist sacred landscape turns landscape into text. At the same time Buddhist historical and hagiographical texts are full of place names that often offer clues to the text's meaning and allow its more accurate interpretation.

Over the last 20 years the process of recreating the sacred Buddhist landscape in Buryatia has attained certain specific features. Along with the revival of the old objects of worship, such as monasteries, stupas, caves, springs and groves, new objects of worship appear. Most of them memorialize the foremost personalities in the history of Buddhism in Buryatia, among them Pandita Khambo lamas (heads of the Buryat Buddhist Sangha), lama Agvan Dorzhiev, Bidiya Dandaron, and others.

The effort to recreate the sacred Buddhist landscape undertaken by the Buryat Buddhist clergy and believers makes an important part of the Buddhist renaissance in Russia. It also plays a great role in developing the region, both culturally and economically.

Key words: Buddhism, Tibetan sociocultural form of Buddhism, Buddhism in Buryatia, Buddhist sacred Landscape in Buryatia.